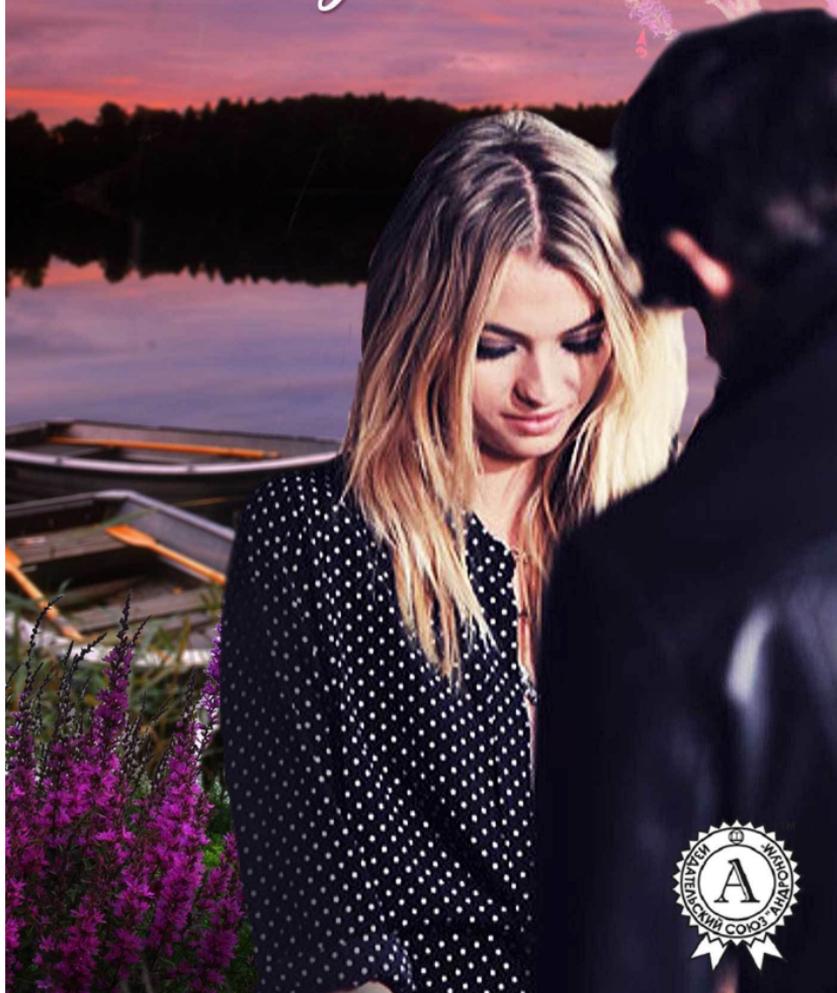

Иван Абрамов
Плакун-трава

Иван Аврамов

Плакун-трава

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21558405
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Разной бывает любовь. Например, внезапной, возвышенной и грустной, как это случилось с героями повести Ивана Аврамова «Лица Самофракийская». Украинский журналист, приехав на родину предков, в Грецию, влюбляется в молодую гречанку-киприотку, и она отвечает ему тем же. Сумеет ли их сильное, горячее чувство преодолеть предстоящую разлуку, государственные границы и различные житейские преграды? Автор предоставляет читателю право самому ответить на этот вопрос... Героиня рассказа «Плакун-трава» тоже способна на сильную и трепетную любовь, однако она у нее приобретает несколько странные формы, оборачивается сумасбродными выходками, которые не позволяют двум сердцам соединиться. Финал рассказ таит некую недосказанность: а может, он и она, которые встретились снова почти через четверть века, все-таки будут вместе?..

Содержание

ПЛАКУН-ТРАВА

4

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Иван АВРАМОВ

ПЛАКУН-ТРАВА

ПЛАКУН-ТРАВА

Рассказ

НОЧЬЮ наснилась мне плакун-трава – будто шел я по берегу не то озера неведомого, не то безымянной полноводной речки, сплошь и рядом в плоских зеленых островках кувшинок, а обочь хорошо утоптанной змеиной стежки-дорожки, поближе к воде, кустилась высокая, по пояс, а кое-где и по грудь, плакун-трава. Она росла целыми, прямо-таки друг за дружкой, куртинами, и пурпурно-сиреневые ее метелки, или венчики, тревожно слепили меня. Ветер дул навстречу, и мне казалось, что в мире ничего не существует, кроме этой колыхающейся, где розовой, где багровеющей, но непременно с сиреневыми полутонами, ряби. Я забредал в заросли плакун-травы, осторожно и бережно, как младенцу-грудничку под спинку, когда собираешься его поднять, подсовывал под узкие и остренькие, похожие на ивовые, листья руку, и ладонь моя тут же становилась мокрой и холодной, точно я опустил ее в ведро с колодезной водой. Странное дело: сверху они были сухими, поблескивали на утрен-

нем солнце, а с изнанки плакали навзрыд. И томила меня тоска, поначалу я не мог разобраться, что сжимает мне сердце, как перед недобром, а потом вдруг понял, или кто-то невидимый подсказал мне, что это *тоска по несбывшемуся*. По тому, что могло случиться, но не случилось, могло завязаться, но не завязалось, могло осчастливить, но не осчастливило. И совсем неожиданно, как бывает лишь во сне, явилась мне на пустынном берегу разгадка: вдруг посреди самой дальней куртины, в самой ее гуще, где божья трава (или плакун-корень, или подбережник, или дедова трава, или камыш бороной – отчего-то все эти названия ясно и поочередно, как на уроке ботаники, пришли мне ум) закипала малиновым, опять-таки напополам с сиреневым, огнем, отчетливо, несмотря на расстояние, увиделась она, и лицо ее с ущербными лунами бровей, и гибкий стан, совсем уже не девичий, а налитый тяжеловато-женским ягодным соком. Наверное, что-то в ней чуточку изменилось, прошло ведь двадцать пять лет, как мы с ней расстались, но неизменными, это уж точно, остались лишь волосы, желтые, как осенняя айва, вобравшая в себя окончательный дозрев под солнцем на подоконнике.

– Ты?... – потрясенно, даже, скорее, испуганно спросил я, а она, несмотря на расстояние, хорошо услышала меня.

– Я, – насмешливо качнула головой – надо ж, мол, какой памятный; густая желтизна волос мягко и закругленно коснулась предплечий.

– Ты совсем не изменилась, – сделал я ей комплимент, и,

как во всяком комплименте, в нем таилась кроха неправды.

– Твоими устами... – Ущербные луны бровей, бархати-сто-темных, что, между прочим, всегда придавало ей особый шарм, с легкой издевкой взметнулись вверх. – Слушай, я вся вымокла. Платье надо будет сушить полдня. Иду по этой тра-ве, как по воде.

– Трава плачет, – сказал я. – Она всегда плачет, когда лето дождливое. Излишняя влага ей ни к чему, вот она от нее и избавляется. Посмотри на листья, видишь эти щели-проре-зи? Они похожи на глаза, из которых капают слезы.

– Ты тоже совсем не изменился. Ты так же много знаешь, как и тогда, когда был юным мальчиком.

– Ну, не мальчиком, а юношей, – возразил я. – Вообще-то я люблю просвещать людей – это, наверное, мой недостаток.

– Почему – недостаток?

– А людям просто не очень-то нравится, когда рядом с ни-ми кто-то умнее их. Ну, не умнее, а, скажем, эрудированнее. Ты, конечно, знаешь поверье, которое издавна сопровожда-ет плакун-траву?

– Не-а, – по-девчоночьи ответила она. – Что же это за по-верье?

– Плакун-трава впервые проросла на Голгофе. На том ме-сте, где принял мученическую смерть Иисус Христос, а Де-ва Мария горько оплакивала его. Там, где слезы Богородицы капали наземь, и появились первые всходы.

– Господи, какой же ты все-таки умный, – не то всерьез, не

то с дружеской подковыркой сказала она, и я только сейчас заметил, что расстояние между нами исчезло, и я вполне, ведь встретились через много лет, мог поцеловать ее, если бы не...

В чем заключалось это «если бы», я, впрочем, до конца не уяснил. Ведь все происходило во сне, а во сне не всегда понятно, что, как и почему.

– А ты не пробовал с головой нырнуть в эти заросли? – с несколько странной улыбкой поинтересовалась она. – Не надо и в душ...

Тут-то я понял, что она имеет в виду, – наше знакомство началось в институтской общаге майским или июньским днем, когда я, одурев от чтения конспектов и учебников, высунулся из окна своей комнаты на втором, «мужском», этаже и несколько минут с любопытством и несомненным удовольствием созерцал, что делалось на нашей приобщезитской территории, за которой начинался небольшой редкий лесок, а за ним виднелся железнодорожный вокзал и поблескивали рельсы, по которым поезда неслись на юг, а в обратном направлении, естественно, на север, – здесь ребята играли в волейбол, там покуривали и чесали языки, любители же бухнуть потягивали дешевый портвейн на травке под деревьями. Меня, конечно, больше интересовали девочки, одни из них вбегали в общежитие, другие чинно выходили из него – кто на каблучках, при полной боевой раскраске, торопился на свидание, кто, в повседневном платьи-

це, в читалку, а кто и куда еще, не знаю... Мою релаксацию прервала напористая струя воды, пущенная кем-то справа, с высоты и метко угодившая в мою голову. Конечно, я был сам виноват, я совершенно забыл, что высовываться из окна в это время года небезопасно – неведомо откуда у нас появилась традиция весело поливать друг друга водой из бутылки. Жертвами, конечно, становились те, кто жил этажами пониже. Я поднял голову, скосил глаза вправо и первое, что схватил взглядом, это текучую, ослепительную желтизну волос, почти легшую на цинковый водоотлив, а потом и все лицо красивой зеленоглазой девушки – она смеялась громко, весело и счастливо. Я погрозил ей кулаком и тоже засмеялся. Мы смеялись и смотрели друг на друга. О сатисфакции не могло быть и речи – окатить золотоволосую незнакомку, а она на четвертом этаже, можно было разве что из брандспойта...

ПРОБУДЯСЬ утром, я тут же вспомнил ночной сон – и плакун-траву с ее розовато-сиреневыми мутовками, качающимися под ветром, и мокрые свои ладони, и внезапную встречу с той, которую никогда не забывал, и что-то еще лежало у меня на сердце, что, я сразу не разобрался, не сразу припомнил, пока вдруг не пронзило – *тоска по несбывшемуся!* По тому, что могло состояться, но не состоялось, могло расцвести, но не расцвело, могло стать смыслом жизни, но не стало...

Я был в отпуске, я был один в опустелом отцовском доме, который постепенно ветшал, обзаводился ветвистыми деревцами трещин на стенах. С каждым моим приездом сюда, в родное село, это умирание дома, это запустение все сильнее и резче бросалось мне в глаза, но до ремонта руки не доходили – и времени в обрез, и охоты большой заняться этим не прослеживалось.

Я легко и незамысловато позавтракал, в привычном и излюбленном меню значились глазунья из трех яиц, пара помидоров, ломоть хлеба и крепкий чай. Была суббота, оставалась еще неделя отдыха, каждодневный маршрут мой не придется менять и сегодня – он приведет меня к августовскому морю. Я любил этот месяц на Азове – вода чуточку охлаждена, она освежает лучше, чем июльский кипяток, она чище и прозрачнее. Я шел напролом сквозь курортную суетолюку, сквозь праздный галдеж безмятежных людей и ничего этого не замечал – перед моими глазами стоял странный ночной сон с плакун-травой, а еще незабытое мною лицо с ущербными лунами бровей, и айвовая, отменной спелости, без всяких подкрашиваний, желтизна густых и прямых волос, которые приметно закруглялись книзу, и полный соблазна женский стан, налитый летним ягодным соком.

Она коварно облила меня водой в мае или июне, а уже в сентябре я вместе с нею и несколькими ее факультетскими приятелями ходил в виноградные вылазки. Если перед нашим общежитием располагался вокзал, мимо которого по-

езда неслись с севера на юг и с юга на север, то позади, с тыла, начинался поселок Северный – частный сектор с добротными кирпичными домами, огородами, фруктовыми и виноградными садами. Ночью мы отправлялись туда воровать виноград, это было довольно рискованным занятием – можно было схлопотать заряд соли в спину или пониже, на нас могли спустить сторожевых собак, ну, а если поймают рассерженные хозяева, тогда уж дело грозит отчислением из института. Меня, примерного мальчику, эти вылазки страшили, я ввязался в них исключительно из-за нее, слабым моральным утешением служило то, что все эти набеги – не корысти ради, а исключительно из-за юношеского молодечества, бесшабашности, безбашенности. Она была старше меня на три года, училась уже на предпоследнем курсе и потому по-сестрински опекала и оберегала меня, пока однажды, в лихорадочной спешке рвя тяжелые грозди (тут же, бывало, ими и лакомились), мы, переполненные адреналином, отдававшимися холодком в спине, не столкнулись носами и неожиданно для себя не поцеловались. Я до сих пор помню вкус ее губ – на них еще оставался виноградный сок и они были сладкими, как вино церковного причастия.

Потом мы целовались с ней еще много-много раз, и я навсегда запомнил другой их вкус – от недорогих карамелек, она очень любила эти доступные студентам конфеты с начинкой. Встречи наши приходились по большей части на поздние вечера, когда беспокойная общага отходила ко сну,

и мы могли уединиться, совершенно, конечно, условно, или на лестничной клетке ее четвертого, или пятого, последнего, этажа, или на кухне, где еще пахло жареной картошкой – нашим студенческим деликатесом, или, гораздо реже, у меня или у нее в комнате, когда соседи-жильцы предоставляли нам такую счастливую возможность. Целовались мы неистово и самозабвенно, и если выстроить синусоиду наших отношений, поцелуй являлся пиком, вершиной, эдакой Джомолунгмой нашей страсти, его можно было расценивать как высшую градацию нашей любви. Конечно, мы позволяли себе кое-что еще, но до самого главного, пока что не изведанного ни нею, ни мной, дело не доходило, и здесь надо отдать должное ее стойкости. Наверное, она берегла себя для самого торжественного дня, вернее, самой торжественной ночи – нравственные устои тех лет еще оставались среди молодежи достаточно прочными. А может, и скорее всего, ее сдерживало то, что я оставался для нее сосунком, молокососом – во-первых, по возрасту младше, во-вторых, еще без диплома в кармане, без какого-либо положения в обществе. Позже, с годами, я пришел и к такому выводу: она, при всей ее строптивости, неуступчивости, гордости, если не гордыне, не хотела смириться с той запрограммированной самой природой ситуацией, когда мужчина – охотник, а женщина – добыча. Стать чьей-то добычей было ниже ее достоинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.